

В. М. Кириллин (Москва)

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЗАПАДНОЙ ТЕМЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ АНАЛИЗЕ)

Тема “Древняя Русь и Запад” может быть раскрыта на основе весьма широкого круга источников — как письменных (литургических, литературных, документально-исторических, научных, дипломатических, деловых), так и неписьменных (художественно-изобразительных, архитектурных, археологических). Изучение данной темы может быть направлено по пути освещения различных аспектов — например, социально-политического, конфессионального, культурологического, эмоционально-психологического, хозяйственно-бытового.

В результате накопленного отделом древнерусской литературы ИМЛИ опыта работы над данной темой¹ определились, по крайней мере, две линии ее продуктивного выявления и осмысления. Во-первых, вызывает интерес то, насколько случайно или насколько специально тема Запада отображалась в древнерусских литературных памятниках. Во-вторых, интересны сущность и характер зафиксированных в текстах представлений древнерусских людей о Западе — пространственных, предметных, созерцательных, оценочных, частных, общественных и т. п. Кроме того, стало ясно, что процесс проникновения западной темы в мир древнерусской книжности был пунктирно-импульсным, то есть соответствующим интенсивности, формам и характеру общения Руси или отдельных ее регионов с Западом в разные периоды времени, но вместе с тем он всегда был многоплановым. Так, можно основательно полагать, что на Руси, например, конфессиональное отношение к Западу от времени Великого разделения церковью 1054 г. было последовательно негативным и вместе с тем меняющимся в сторону усиления негатива; в области социально-политической очевиден прерывисто колеблющийся характер русского интереса к Западу и представлений о нем; в области хозяйственно-экономической видна устойчивая тенденция сотрудничества с Западом; а вот в сфере культурной и эмоционально-психологической жизни Древней Руси наблюдается очень медленное, растянутое во времени, но все же последовательное умаление отчужденности от Запада. Разумеется, к XVII или с XVII в. многосложный процесс восприятия Запада во всех его ипостасях чрезвычайно усилился и с тех пор сохраняет неизменно высокую интенсивность.

Западную тему в древнерусской литературе можно рассматривать с точки зрения разных медиевистических наук, в разных аспектах и с разными целями². Но литературовед в любом случае не может избежать прежде всего **источниковедческого** раскрытия темы. Другими словами, имея в виду весь объем древнерусской книжности, необходимо выявить тексты, которыми так или иначе затронута западная тема. Такая работа отчасти уже сделана, правда, историками: М. А. Алпатовым³ и Н. А. Казаковой⁴. Отчасти, ибо почтенные ученые в своих исследованиях учитывали лишь те произведения, в которых данная тема является лейтмотивной или же весьма заметно звучащей. Но, в частности, для филолога показательными могут быть даже незначительные фрагменты текста самых разных произведений, условно говоря, *интексты* (буквально *тексты в тексте*). При

¹ Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996.

² Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996.

³ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.

⁴ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980.

этом типы таких интекстов в содержательном, стилистическом и жанровом отношениях могут быть самыми разными. Думается, среди интекстов можно выделить:

1) Простое упоминание какой-либо реалии или ряда реалий (когда речь идет о народе, отдельном лице, месте, событии). Например: «Ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу...» («Слово о полку Игореве»)⁵.

2) Распространенное упоминание, сопровождаемое атрибутивной характеристикой. Например: «И бысть во дни сия прозвутерь благоверень, христоролюбив же и праведень въ Бару граду мирманьсте немецкия власти...» («Слово похвальное на перенесение мощей Николая Мирликийского»)⁶.

3) Историко-документальный рассказ или описание. Например, известия о принятии римлянами христианства и о мятеже в Риме при папе Клименте: «И верова со всемъ домоумъ своимъ и крестишася числомъ мужий и жены и детей 823. Отселе же Синови мнози друзи, а друзии Нерува царя къ Богу обратишася, въ то лета кумиромъ Съпувлиторку Атнанъ видевъ бес числа народъ Христу верующъ, събравъ старейшины и светники, давъ имъ злато, убеди я, да воздвигнуть гонения на крестианы. Владущу же Мамертину Епарху граднымъ престоломъ и мятежь бысть въ Риме Климента ради. Овии бо ихъ глаголющи: “Что створи зло, что ли добра не исправи, аще къ болящему прииде, того исцели, аще ли шедъ къ нему печалень, то радуяся отъидеть ни единому же коли пакости створи, но паче пользу всемъ”. А друзии духомъ неприязненнымъ распалени въпиаху: “Чаровными лестьми се творя, богомъ нашимъ службы отмецуютъ, диавола бо глаголетъ не суца бога, нарекли же нашего схраника не чтеть, дух глаголетъ сушь”. Авфродитъ же преподобную богыню нашу лободеицу сказаеть, а сию же вели кую богыню огнемъ сгоревшу губить честную богыню Атину, Артамъ же и Ермию купно и Кронъ, Арна же облычаеть, всемъ же именемъ богомъ нашимъ и цркъвамъ дасажаеть, да или пожретъ богомъ нашимъ, или да потребится. Тогда Мертинъ градный Епархъ, не терпя народа метущеся, повеле привести блаженнаго Климента, и видевъ же начать глаголатъ: “Отъ великаго рода сы, яко о тебе весь народ Римский сказаеть, про что прельщасиися некоему Христу служа, а цркъвамъ богъ нашихъ дасажаешь”...» («Мучение святого священномученика епископа Климента»)⁷.

4) Критико-полемическая оценка или констатация каких-либо особенностей. Например, пассажи о должном отношении православных к латинянам или об их «винах»: «Вере же латыньстей не прелучайте, ни обычая их держати, и комканья их бегати, и всякого ученья их бегати, и норова их гнушати, и блюсти своих дочерей — не давати за них, ни у них поимати, ни брататися, ни поклонити, ни целовати его, ни с ним из единого судна ясти, ни пити, ни брашна их приимати; тем же паки у нас просящим Бога ради ясти и пити — дати им, но в их судех, аще ли не будет у них судна, в своем дати, потом, измывши, дати молитву, зане же неправо веруют и нечисто живутъ» («Слово Феодосия Печерского о вере крестьянской и латыньской»)⁸.

5) Беллетристическое повествование. Например, рассказ об отсылке белого клобука из Рима в Константинополь при некоем папе: «По мнозех же временех воста инъ папа того же латинскаго служения, иже отнюдь не любя христовы вѣры и святых апостолъ предания и учения, гордостию

⁵ Косоруков А. А. Слово о полку Игореве // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 189).

⁶ Рогачевская Е. Б. Цикл памятников о Николае Мирликийском // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 37.

⁷ Гладкова О. В. Слово на обновление Десятиной церкви // Древнерусская литература: Восприятие Запада в X–XIV вв. С. 20–21.

⁸ Кириллин В. М. «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 56.

превознесся и святых иконъ поклоняние конечно отложи. И некогда вшедшу ему во олтарь, узре на дверех оных написание о белом клобукъ и про-чет восхоте видети его и повеле отворсти его — двери оны. Егда же отворзоша их и изыде воня благовония многа неизреченна и чудна зело. Папа же взя блюдо с клобукомъ и дивися сотворе-нию его. И от беса пострекаемъ возненавиде его и положи его паки в том же приделе и заключи его твердо. Потом же во многи нощи и дни папа онъ во сне многаши слышит глас, евангельскою речию глаголющъ сице: “Не может град укрытися врѣху горы стоя; ни вжигают светилника и поставляют под спудом, но на свещникъ возлагают, да светит всемъ”. Папа же дивися гласу тому и возвести в сонмищи советникомъ его и докторомъ. И мысль положше, яко глас сий бывает клобука ради онного, и от беса пострекаемы, хотяше его сожещи посреди града Рима. Богу же не попустившу сотворити им сего и страх нападе на них и убояшася народа. И на ину мысль преидоша: отослати его в дальная стра-ны замория своего сквернаго учения и тамо его опоругати и истребити на устрашение оставшимъ христианомъ. И вземше клобукъ он святыи, вложиша его во вретнице бесчестно, а золотое блюдо себе удержаша, и посланники суровы и бесчинны отрядивше и написания даша повеленная сотворити имъ и отпустиша в корабли с гостями, пришедшими купля дѣяти. И пловущим по морю и некто посланникъ Индрикъ именем, — суров и житиемъ поган, — упився пьянством и усты своими глаголаше скверная и хотяше сести верху святаго клобука. И абие мракъ темен нападе на нь и невидимая божия сила не даде ему състи и рину его от мѣста того и удари о корабльнѣй мость и паки подѣя выше и удари его о край корабля. И бысть расслабленъ рукама и ногама и лице его назадъ обрати, очи же развра-щены имѣя и кричаше беспрестани: “Ох, помилуйте мя!” И тако зле изчезе, вопия: “Ох, помилуйте мя!” Прочий же клевети его, видящи сия ужасошася и боящеся держати его мертва в кораб-ли, да нечто зло постражут от морскаго волнения, и ввергоша его в море и погрязе...» («Повесть о новгородском белом клобуке»)⁹.

б) Публицистическое размышление. Например, речь святого Марка Эфесского перед папой Евгением IV на соборе во Флоренции по свидетельству Симеона Суздальского: «А на четвертом соборе нача Марко глаголати тихим гласом к папе, и к гардиналом, и арцыбискупом, и бискупом, и ко всему языку латынскому: “Слыши, честный папа римский, учителю латынскаго языка! Како ты смел дерзнути составити ос-мый собор, иже не повелеша свя-тии отцы? Ты же глаголеши и нарицаеши осмый собор своим умышлением, а царя ни в котором слове не нарекаеш; а святых седми соборов отре-каешися, а патриархов себе бра-тиєю не зовещи; латыню же вначале поминаеш, а православие последи поминаеш”» («Исидоров собор и хождение его», а также «Повесть священноинока Симеона Суждалца, како римский папа Евгений составлял осмый собор со своими единомысленники»)¹⁰.

Естественно, все означенные интексты — малые и большие — по-разному связаны и с контекстом содержащих их произведений и с контекстом эпохи, в которую последние были созданы, они — интексты — суть различные рефлексy древнерусского восприятия Запада (знания о нем, отношения к нему). Соответственно, при их осмыслении возможны разные подходы.

Не могу судить об историках, но по моему ощущению при **историческом** раскрытии западной темы в древнерусской литературе продуктивны не менее чем два подхода. Так, наиболее распространенным является *изъяснительный* подход. Он представляет собой популярное или же научное описание упомянутых в тексте или интексте конкретных реалий, фактов, лиц; это то, что называют обычно реальным комментарием. Подобный комментарий содержится во многих научно-популярных и академических изданиях древнерусских литературных памятников. Как правило, он

⁹ ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 214, 216.

¹⁰ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 91; 104.

довольно поверхностен в том отношении, что не преследует задачу понять произведение или отдельные его составляющие как конкретное воплощение мысли, психологии или духовной настроенности автора.

Более сложен и менее разработан в научной литературе *проблемно-онтологический* подход, целью которого является истолкование смысловой сути запечатленных текстом или интекстом конкретных фактов — в историческом, церковно-историческом, культурологическом, богословском аспектах и в контексте эпохи. Такой подход должен способствовать пониманию современным читателем старого произведения адекватно тому, как оно воспринималось в то время, когда было создано и стало известно первым читателям. Применительно к древнерусской литературе, как и вообще к литературе прошлого, трудность проблемно-онтологического подхода состоит в том, что необходимо предельно расширять круг источников, при совокупной помощи которых определенный текст или интекст может быть адекватно понят. В результате культурно-историческая оценка памятника может быть радикально изменена. Например, так случилось со «Словом Феодосия Печерского о вере крестьянской и латыньской». В научной литературе этот памятник обычно оценивался как исполненный фантастических, немотивированных обвинений в адрес западных христиан, которые можно объяснить лишь эмоциональным накалом спорящих сторон в напряженной обстановке разделения церквей. Однако углубленный анализ зафиксированных произведением фактов в контексте средневековых библейских, вероучительных, канонических, эклезеологических, литургических знаний и с точки зрения известных исторических особенностей западной жизни позволил думать иначе. Выяснилось, что «Слово» Феодосия Печерского «заслуживает самой высокой оценки как памятник русской религиозной публицистики, конфессиональной идеологии, богословской мысли, пастырского попечения», а его антилатинские пассажи, во-первых, мотивированы имевшими место реалиями IX—XI в., а во-вторых, безукоризненно связаны друг с другом внутренней логикой¹¹. Приведу только один пример. Он касается обвинения латинян в том, что они употребляют в пищу удушенную и мертвечину. Как прокомментировать эту, на первый взгляд, нелепую инвективу? Прежде всего, надо указать на ее более подробную формулировку митрополитом Георгием в «Стызании с латиною». Он подчеркивает, что подобного не делали даже «жидове», ибо это «отречено Моисеевым законом и евангельским, и от святых отец явно возбраняется в правелех их»¹². Очевидно при этом, что имелись в виду запрещения Моисея относительно крови и падали (Лев. 17: 10—16). Впоследствии моисеевы предписания были подтверждены декретом Апостольского Иерусалимского собора 49 года (Деян. 15: 29)¹³, 63-м правилом Апостольских канонов¹⁴ и 67-м правилом Пято-Шестого Вселенского (Трульского) собора¹⁵. Известно также, что они имели силу и на Востоке, и на Западе¹⁶. Мясо удушенного или сдохшего животного нельзя было есть потому, что в таком животном оставалась кровь. Вкушение же крови запрещалось особенно строго — в ветхозаветной религии под страхом истребления из народа (Лев. 7: 26-27), «ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Лев. 17: 14), а в христианстве под страхом извержения из сана для клириков или отлучения от Церкви для мирян

¹¹ Кириллин В. М. «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI—XIV вв. С. 51—93.

¹² Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян: (XI—XV в.). М., 1875. С. 87.

¹³ Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Киев: «Путь к истине», 1991. С. 67.

¹⁴ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Долматинско-Истринского. Перев. с сербск. М., 1994 (репринт). Т. 1. С. 139—140.

¹⁵ Там же. С. 556—557.

¹⁶ Августин, пером. Полемические сочинения против латинян, писанные в Русской Церкви в XI и XII в. — в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между Восточною и Западною Церковью. Статья вторая // Труды Киев. Дух. Ак. Киев, 1867. Т. 3. С. 489.

(Канон 67 Пято-Шестого Вселенского собора¹⁷). Однако фактически данное правило часто нарушалось — и не только западными христианами, но и восточными, о чем в XI столетии писал патриарх Антиохийский Петр в своем ответном послании к Михаилу Керуларию¹⁸. Обычно такие нарушения допускались недавно обращенными в христианство народами в процессе вытеснения старого языческого уклада новыми христианскими нормами жизни. В частности, они имели место у германцев в VIII—IX веках¹⁹. Следовательно, у преподобного Феодосия все-таки были некоторые основания для обвинения латинян, чужих, как, впрочем, и для возможного наставления своих.

В отличие от исторического **филологическое** раскрытие западной темы в древнерусской литературе допускает, насколько можно судить по накопленному опыту, большее разнообразие подходов. При этом с их помощью оказывается возможным решать как частные задачи прочтения, так и общие задачи оценки текста или интекста.

Очень важное значение имеет *текстологический* подход. Несомненно, с него и надо начинать анализ памятника. Но при этом я не имею в виду текстологию как науку, вскрывающую историю текста, выявляющую его редакции, варианты и прочее. Речь идет лишь о частных текстологических приемах исследовательской работы с литературным произведением, способствующих, скажем, прояснению так называемых «темных мест».

Так, нередко выявление настоящего смысла текста или интекста оказывается возможным с помощью конъектуры. Например, А. С. Демин, анализируя рассказ «Древнейшего Киевского свода» о выборе Владимиром Святославичем веры (Повесть временных лет, статья за 986 г.), в связи с западной тематикой останавливает свое внимание на диалоге киевского князя с «немцами». Последние, согласно летописному тексту, объясняя, чем хороша их вера, говорят, в сущности, о гастрономическом произволе: у них принято «пощенье по силе. Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью». Но в таком случае, как справедливо замечает исследователь, совершенно непонятно, почему умеренность в посте и свобода в питании явилась причиной отказа князя-язычника «немцам», почему «отцы наши» (то есть дохристианские русские едальные традиции) «сего не прияли суть». Пытаясь осмыслить это, ученый предлагает читать вместо «пощенье» «потщанье» и подтверждает свою догадку встречающимися в летописи лексико-фразеологическими аналогиями. При таком прочтении данный интекст становится более внятен: Владимира не устроила именно «та необязательность, с которой “немцы” следовали заповедям» веры «в противоположность истовости “отцов”, живших “по русскому закону”»²⁰.

Не менее продуктивным является и прием сравнения интекстов по разным спискам, позволяющий подтвердить определенный герменевтический вывод. Так, А. С. Демин, комментируя слова воеводы Ярослава Мудрого, обращенные к Болеславу Храброму (статья ПВЛ за 1018 г.) «Да то ти прободем трескою черево твое тольстое», полагает, что прозвучавшая здесь угроза позорной смерти в адрес благородного воина (от кола), будучи оскорбительной, вместе с тем подчеркивала чуждость, ненормальность адресата перед лицом русичей; эта чуждость оказывается еще более резко обозначенной позднейшими переписчиками летописи, которые слово «трескою» заменили словом «тростию». Ученый справедливо полагает, что в результате данной замены изменился общий смысл фразы, поскольку «тростие» является орудием уничтожения нечистой силы²¹. И даже вполне возможно, что такой вывод верен. Но думается, догадку исследователя можно еще основательнее аргументировать, если полнее учесть данные лексикографии. В самом

¹⁷ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима. Т. 1. С. 556.

¹⁸ Августин, иером. Полемические сочинения против латинян. Статья вторая. С. 490; Лебедев А. П. Церковь византийская и римская в их взаимных догматических и церковно-обрядовых спорах в IX и XI веках // Он же. Очерки внутренней истории Византийско-Восточной Церкви в IX, X и XI веках, 2-е изд. М., 1902. С. 372.

¹⁹ Лебедев А. П. Церковь византийская и римская в их взаимных догматических и церковно-обрядовых спорах в IX и XI веках. С. 372.

²⁰ Демин А. С. Повесть временных лет // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI—XIV вв. С. 115.

²¹ Там же. С. 126.

деле, ведь летописец характеризует обращение Ярославов воеводы к Болеславу словом «укаряти», которое, между прочим, наделено и значением *издевки*²². Но данная семантика как раз очень хорошо сочетается с другим, не учтенным А. С. Деминым, значением слова «треска» — *щепка*, а не *кол*²³. Отсюда можно думать, что угроза Болеславу прозвучала в тоне издевательской насмешки: его толстое брюхо грозили проткнуть щепкой, что уж совсем позорно для воина. Не исключено, что позднейшие переписчики летописи это отлично почувствовали и еще более усилили издевательский смысл интекста: в качестве орудия прободения вместо щепки стала фигурировать уже палочка для письма — «тростие»²⁴, совсем уж не воинский атрибут.

Как видно, в рамках филологического исследования западной темы в древнерусской литературе никак не обойтись без *лексикографического* подхода. С его помощью может быть выявлен ряд ментальных особенностей русского восприятия описываемых нерусских, чужих реалий. В частности, показателем определенного умонастроения — психологического, идеологического — является заметное постоянство словоупотребления — норма, если угодно. Так, митрополит Иларион по отношению к западным государствам использует в «Слове о законе и благодати» только термин «страны», а Русь, как и Византию, называет только «землею»²⁵. Аналогичное постоянство отличает и позднейшего русского писателя, Симеона Суздальского, который в своей «Повести о Ферраро-Флорентийском соборе» применительно к православным храмам употребляет только слово «церковь», а применительно к католическим — слово «божница»²⁶. Заметной знаковостью обладают эмоционально-экспрессивные эпитеты. Например, эпитеты «нечестивые», «поганые», «окаянные» применительно к литовцам в рассказах Новгородской первой летописи о мятежах в Литве в 1263 и 1265 г. отмечают конфессиональную неприязнь русских к своим соседям²⁷.

К убедительным результатам приводит *стилистический* подход. Предметом его внимания являются различные повествовательные компоненты: перечисление, противопоставление, топонимы, фразеологические, образные особенности описания или оценки «чужого» (причем как *от персонажа*, так и *от автора*). Все они несут печать определенного отношения, сигнализируют о последнем. Так, в западно- и югославянских литературных памятниках, написанных в период до церковного разделения 1054 г. идея о первенстве Рима в христианском мире была выражена устойчивыми конструкциями типа перечислений: «службу церковную латиньскы, и гръчьскы, и словеньскы сътребиша», «книгы латиньския... греческия книги или словеньския». Соответственно, таким образом выказывалось иерархически-предпочтительная оценка сопоставляемых предметов, в частности, чувство уважения к Риму²⁸. Иначе у Симеона Суздальского. Он широко использовал пары-противоположения: «между православными и римляны», «и православных христиан не поминает, но латыню поминает» и т. п., — которые по принципу «от противного» указывали на то, что католики — *не свои* и даже не относятся к числу христиан²⁹.

К другому уровню филологической работы относится *контекстуальный* подход. С его помощью решаются уже более сложные герменевтические задачи. Под таким подходом я подразумеваю стремление исследователя оценить тот или иной содержательный факт текста или интекста с точки зрения авторского замысла, а точнее — стремление оценить то, как последний

²² Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. Ч. 2. М., 1989. С. 1178.

²³ Там же. С. 1027.

²⁴ Там же. С. 1014.

²⁵ Демин А. С. «Слово о Законе и Благодати» Илариона // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 8.

²⁶ Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2000. № 1. С. 86–94.

²⁷ Демин А. С. Новгородская первая летопись // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 166.

²⁸ Демин А. С. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. С. 9.

²⁹ Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе. С. 89.

(замысел) реализован в интонации или акцентах изложения, в выборе предмета, достойного авторского и читательского внимания, в деталях, характеризующих описываемое событие и его действующих персонажей, в содержательной или образной структуре рассказа в целом. Если быть еще более точным, при таком подходе необходимо почувствовать и понять именно то, каким образом подан конкретный содержательный факт произведения среди прочих фактов. В результате открывается действительное отношение автора к тому, о чем он рассказывает. Хорошим примером в этом отношении для меня является разбор сведений Новгородской первой летописи о немцах, шведах и литовцах, сделанный А. С. Деминым. Особенно демонстративным является упоминавшийся уже рассказ о литовских мятежах 1263 и 1265 г. Как показывает исследователь, рассказ этот построен по полной схеме, то есть в нем использованы все типичные для подобных повествований мотивы, что уже само по себе является знаком особенного отношения летописца к Литве. Интонационно рассказ исполнен злорадной «едкости». Это видно по тому, как летописец смакует бедствия, обрушившиеся на литовцев (мятеж, войны друг с другом, убийства, нашествие врагов извне, разгром и пленение страны), и вместе с тем подчеркивает, что в то же время «по христианской земле веселие бысть всюда»³⁰. Демонстративным является также выявленное А. С. Деминым нарочитое внимание летописцев к тому, как одеты иностранцы — греки, венгры, поляки, болгары. Неважно, какая характеристика дается их нарядам — положительная или отрицательная, в любом случае она свидетельствует о том, что речь идет о «чужом», поскольку, говоря о своих людях, летописцы вовсе не касаются их одежды³¹.

Разумеется, при филологической работе над западной темой в древнерусской литературе все указанные подходы тесно сопряжены, они пребывают в отношениях, если угодно, неслиянного единства. С точки зрения исследовательского результата они дополняют, уточняют, проверяют друг друга. Все вместе они приводят к объективному научному итогу, к обобщению на *синтетическом* уровне. Когда можно с достаточной долей достоверности думать о действительном характере отношения на Руси к «чужому» в тот или иной момент времени и доказательно говорить о нюансах притяния-непритяния «чужого» древнерусским человеком в плане общественной и личностной ментальности, — его предвзятой или непосредственной, закономерной или случайной, осмысленной или эмоциональной, стереотипной или оригинальной реакции на реалии западного мира.

Итак, сказанное позволяет сделать, как думается, универсальный для медиевистики вообще вывод. Стремясь научно, то есть точно и целостно, осознать какой-либо феномен средневековой жизни (к примеру, восстановить подлинное состояние средневекового умонастроения в его объективной и субъективной ипостасях), необходимо учитывать и исторические и филологические данные. Одни, в виде прямых и косвенных фактов, корректируются или же поясняются другими. И наоборот. И вместе. И нераздельно. Это касается и других дисциплин медиевистики. Ни искусствовед, ни философ, ни музыковед также не могут ограничивать себя пределами только собственной специальности. Конечно, на определенном этапе подобное ограничение даже необходимо. Но, чтобы уйти от семантически ограниченных выводов, должно иметь в виду всю сферу медиевистического знания. В этом, на мой взгляд, и состоит суть комплексного научного анализа. Несомненно, для каждого отдельного исследователя подобный анализ, или, по моему разумению, некий всеохватывающий взгляд на предмет изучения, более или менее затруднителен. Но памятуя о словах Зоровавеля: «Неправедно вино, неправеден царь, неправедны женщины, несправедливы все сыны человеческие и все дела их таковы, и нет в них истины, и они погибнут в неправде своей; а истина пребывает и остается сильною в век, и живет и владычествует в век века» (2 Езд. 4: 37, 38) или же — о заповеди Спасителя: «Ищите и найдете; стучите, и отворят вам!» (Мф. 7: 7; Лк. 11: 9), — естественно вывести силлогизм: «Ищущему истину открывается Правда».

³⁰ Демин А. С. Новгородская первая летопись. С. 166.

³¹ Демин А. С. Повесть временных лет. С. 138.